

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Птица народной песни

Зимняя пора; земля покрыта снежной корою, словно пластом мрамора, высеченного из скалы; небо ясное, чистое; ветер колет, как острие выкованного гномами меча; деревья похожи на белые кораллы, на цветущие миндальные деревья; свежо здесь, как на вершинах Альп. Чудная ночь озаряется северным сиянием и мерцанием бесчисленных звёздочек.

Завыли бури, облака собираются на небе стаями и отряхают своё лебединое оперение; снежные хлопья порхают в воздухе и усыпают дорогу, дом, открытое поле и глухие переулки. А мы-то сидим у себя в уютной комнате, у пылающей печки и слушаем рассказы о старине – сагу.

«У открытого моря возвышается могильный курган; на нём появляется в полночный час призрак погребённого там героя, конунга. Золотой обруч блестит на его челе, волосы развеваются по ветру, грудь закована в латы. Он печально поник головой и глубоко, горько вздыхает, словно дух обречённый на муки.

Мимо плывёт корабль. Мореплаватели бросают якорь и пристают к берегу. Между ними скальд; он подступает к призраку и вопрошает его: «О чём ты скорбишь и страдешь?»

Мертвец отвечает: «Никто не воспел моих подвигов; они забыты, умерли вместе со мною. Песнь не разносит мою славу по свету, не говорит о ней сердцам людей – вот отчего я не знаю покоя в могиле!»

И он поведал о своих славных делах и подвигах, оставшихся невоспетыми в его время, – не было скальда.

Старый скальд схватывает свою арфу, ударяет по струнам её... и льётся песнь о мужестве героя в юности, о силе его в годах зрелости, о всех его великих и добрых деяниях! Лицо умершего проясняется, словно край облака освещённый луною. Яркое сияние озаряет призрак... Мгновение – и оно погасает, словно сноп

северного сияния, а вместе с ним исчезает и самый призрак». На том месте остался только зелёный холм, да голые камни, без надписей. Но над ними взвилась, одновременно с последним ударом скальда по струнам, прелестная птичка. Она как будто вылетела из самой арфы. Это певчая птичка; она рассыпает трели, как звонкий дрозд, поёт и задушевым человеческим голосом; в её пении слышатся родные отголоски. Птичка понеслась над скалами, над долинами, над полями и лесами; то была бессмертная птица народной песни!

Мы слушаем её пение, слушаем его сейчас, сидя вечернею порою в тёплой комнате; на дворе же в это время летают белые пчёлы и воет буря. Птичка поёт нам не только суровые богатырские песни, но и нежные любовные мелодии о любви северян; она знает их без конца, без счёта. Знает она и сказки, и пословицы, и поговорки в стихах; она истолковывает нам на нашем родном языке руны – язык мертвецов, заставляет говорить умершие поколения, и мы узнаём их житьё-бытьё; оно воскресает перед нами.

В древние языческие времена, во времена викингов, гнездо птицы качалось на струнах арфы скальда. А в рыцарскую эпоху, когда кулак склонял чашки весов правосудия, когда сила была правом, когда крестьян меняли на собак – тогда где находила себе приют птица народной песни? Невежеству и мелочности не до неё было, но в оконной нише сидела за пергаментом благородная владельница замка и записывала старые предания в песнях, которые сказывала ей старушка из крестьянской хижины или странствующий коробейник, и вот тут-то вилась и щебетала бессмертная птичка! Птица народной песни, ведь, не умрёт, пока на земле останется для её ног хоть единая точка опоры!

Теперь она поёт нам в тёплой, уютной комнате, а на дворе бушует снежная метель, царит мрак. Птица переводит на наш язык древние руны, и, благодаря ей, мы познаём свою родину. Сам Бог говорит нам на нашем родном языке устами птички. Старые предания восстают из могил, потускневшие краски освежаются. Песня и сказание – благодатный напиток, возвышающий душу и мысль. Простой зимний вечер становится рождественским сочельником! Вьюга крутится, лёд трещит, буря бушует; она

сильна, она господствует, но над нею есть ещё Господин. Зимняя пора; ветер колет, как острие меча, выкованного гномами; вьюга крутится; сдаётся, что она крутится уже целые дни, недели, что весь город погребён под снежными сугробами и погружён в тяжёлый зимний сон. Всё занесено снегом; над белою насыпью возвышается только золотой крест церкви, символ веры в Распятого, и сияет под лучами солнца.

И вот над погребённым городом пролетают птички небесные, большие, и малые. Они щебечут, поют, каждая по-своему.

Прежде всех являются воробьи. Они чирикают о малых мира сего, обитающих в улицах и переулках, гнёздах и домах. Они знают, что творится и в больших домах, и в надворных флигелях. «Знаем мы этот погребённый город!» говорят они. «Всё живое в нём чирикает по-своему! Пип! Пип!»

Над белою снежною пеленой пролетают и чёрные вороны и вороны. «Кар! Кар!» кричат они. «Город похоронен! Но там всё-таки найдётся ещё чем набить зобы! А это, ведь, первое дело! Так думает большинство, а оно всегда пра-пра-право!»

Пролетают, шумя крылами, и дикие лебеди и поют о всём великом и прекрасном, что ещё пробивается из сердец и мыслей людей, обитающих в этом занесённом снегом городе.

Но не смерть там царит; там кипит жизнь. Мы внемлем ей; она выливается в звуках, мощных, как звуки церковного органа, хватающих за сердце, как мелодии из «Лесного холма», как песнь Оссиана, как бурный полёт валькирий! Какие созвучия! Они говорят нашему сердцу, возвышают мысли, – мы внемлем им в пении птицы народной песни! Мы внемлем её пению, и – с неба веет тёплым дыханием Божиим, ледяная кора даёт трещины, в них проникают лучи солнца, вестники шествующей весны, прилетают птицы – новые птицы всё с теми же старыми, родными песнями! Слушай же, слушай эпос года! Неистовство снежной бури, тяжёлый сон зимней ночи – всё исчезает, всё забывается при звуках чудного пения бессмертной птицы народной песни!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...